

ПОЛИТИК КАК ДРУГ:
КОНСТРУИРОВАНИЕ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ДИСКУРСОВ
В БРИТАНИИ XVII века

В центре внимания автора находится сфера «политического», ее трансформация в раннее Новое время и связанная с этим потребность в конструировании новых политических дискурсов. В статье анализируется концепт «друг» и рассматривается трансформация дружеских дискурсов в документах английского парламента XVII столетия, через призму которых прослеживается формирование нового политического порядка и конструирование адекватных политических дискурсов.

Ключевые слова: дружба, друг, враг, политическое, дискурс, субъект политики, английский парламент, Английская революция.

Глубокие трансформации сферы политического в раннее Новое время давно привлекают внимание исследователей. После выхода в свет работ Карла Шмитта¹ и в особенности полемизировавшего с ним Жака Деррида², определивших сферу политического через понятие дружбы, появилось и немало исследований, касающихся соотношения дружеских и политических дискурсов в культуре раннего Нового времени. Все они, как правило, посвящены анализу определенной модели властных взаимоотношений, которая может быть описана в рамках дружеского дискурса.

Рассуждения, почерпнутые в эпоху Ренессанса из античных сочинений о дружбе, способствовали не только развитию идеала «частной» дружбы, но и активному задействованию дружеских дискурсов в политической сфере. Но значимость и функции этих политических дружеских дискурсов варьировались в разных европейских культурах и даже внутри одной культуры. Как от-

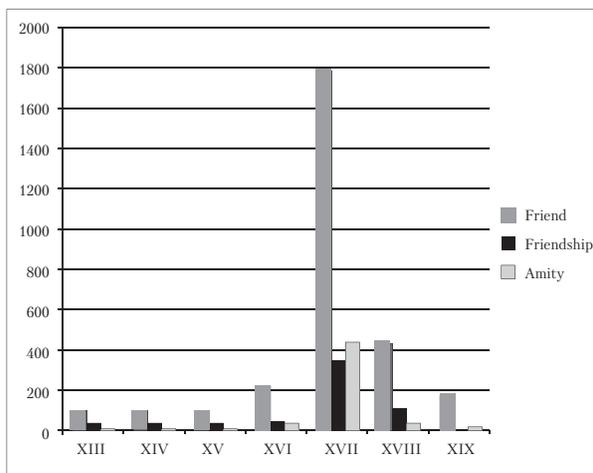
мечает Л. Шеннон, «дружба работает как мощная и убедительная разновидность политических представлений. ...Можно выделить два типа ее образных актов: один вызывает утопическое видение человеческой вовлеченности (видение согласия), а другой в конечном итоге предлагает прагматическую стратегию для различных мнений и достоинств (проводник советов)»³. Эти два вида политической дружбы можно соотнести с двумя моделями отношений, которые могли обозначаться как «дружеские» и которые восходят к античным практикам: дружба между равными по статусу субъектами и дружба иерархическая, построенная по модели патрон–клиент. Их смысловое разведение и даже противопоставление (но все же не противоречие) свойственно политической культуре раннего Нового времени⁴. И оно связано не только с трансформацией сферы политического, но и с изменениями частной и публичной сфер, стимулировавшими переосмысление понятия «дружбы». Все это не могло не оказать своего влияния на то, кто мог именоваться «другом» в политических дискурсах и выступать в качестве субъекта дружбы. Неудивительно, что предметом изучения в современных исследованиях, как правило, становится специфика отношений между разнообразными субъектами дружбы как политическими акторами.

В данной статье предлагается несколько иной ракурс рассмотрения. В качестве отправной точки будет выступать ситуация политического и социального конфликта, определившего всю историю XVII столетия в Британии и способствовавшего переформулированию самого понятия «политического». За основу исследования взяты документы одной из ключевых сторон этого конфликта – парламента Англии, которые свидетельствуют о том, что состояние острого политического конфликта, трансформировавшего пространство политического, требовало и конструирования нового языка описания складывавшейся ситуации.

Британский интернет-портал «British history on-line» фиксирует резкое увеличение числа использования слов *friend* (друг) и *friendship, amity* (дружба) в документах парламента, которое приходится на XVII столетие⁵.

Этот очевидный скачек отчасти вызван существенным ростом документации, но даже с учетом этого фактора свидетельствует об активном использовании дружеского дискурса в политической сфере. Это становится очевидным в сопоставлении с более поздними эпохами – XVIII и особенно XIX столетием. Для того чтобы сформулировать некоторое объяснение этому явлению, необходимо проанализировать, в каких ситуациях и для описания каких

отношений в XVII столетии парламентарии задействовали дружеский дискурс. Это в свою очередь требует небольшого экскурса в историю дружеских политических дискурсов.

Современные исследователи выделяют несколько основных типов взаимоотношений, в рамках которых тот или иной субъект политики мог быть определен в качестве «друга». Модели дружбы, заимствованные в античности, находят применение прежде всего в сфере дипломатии раннего Нового времени, где субъектами политической деятельности являются властители и государства. Рэндалл Лесаффер отметил большое количество упоминаний о дружбе в международных договорах о мире и союзнничестве середины XVI – середины XVII в., что, по его мнению, свидетельствует о нарушении существовавшего до сих пор политического порядка. Отсылки к дружбе оказываются необходимы в период постепенного формирования нового порядка, основанного на идее суверенитета государств, и исчезают в конце XVII в., когда этот новый порядок устанавливается⁶. «Дружба», субъектами которой выступали как основные договаривавшиеся стороны, так и их союзники, подразумевала мирное взаимодействие и выполнение ряда взаимных обязательств. Подробнейший разбор бытования понятия «дружба» в европейской дипломатии дает Евгений Рощин⁷. Среди множества прослеживаемых изменений он, в частности, отмечает появление новых коллективных субъектов дружбы, которое было связано с Английской революцией, установлением протектората Кромвеля и признанием Объединенных провинций как самостоятельного

политического образования⁸. Эта трансформация связана с еще одним немаловажным изменением в именовании «другом» субъекта политической деятельности. Рощин отмечает, что с появлением новых, абстрактных субъектов политики, прежде всего «государства» (речь в данном случае идет об общих политических концепциях), в английском политическом дискурсе появляется потребность различить «дружбу» между королями (суверенами) как индивидами, которая обозначается как *friendship*, и более общие отношения в публичной сфере, определяемые как *amity*⁹.

Если мы обратимся к тому, кто мог стать субъектом дружбы в сфере внутренней политики (при всей условности такого деления для раннего Нового времени), мы также увидим значительные трансформации. Ренессансное видение сферы политики предполагало противоборство и взаимодействие отдельных волей, в котором целью государя было укрепление власти и авторитета, а также снискание чести и славы. Как отмечает Квентин Скиннер, эта «слава» великого правителя включала в себя много аспектов – «заботу» об интересах подданных, справедливость, отсутствие (по меньшей мере видимое) жестокости, разумное ограничение своеволия с учетом мнения «мудрых» и «преданных» советников и т. п. Добиться этого мог политик, к которому благосклонна фортуна и который обладает необходимым набором добродетелей – *virtus*¹⁰. В силу этого гуманисты уделяли столько внимания вопросам воспитания принцев и их взаимоотношениям со своим ближайшим окружением.

Вопрос о том, возможна ли дружба с государями, был одним из наиболее обсуждаемых в конце XVI – XVII в. С одной стороны, античный идеал дружбы был неразрывно связан и вопросами власти и общественного устройства. С другой – основополагающие черты ренессансной концепции дружбы – сходство, равенство и суверенность друзей – делали затруднительным применение этой модели к властным взаимоотношениям в условиях монархии. И, тем не менее, дружеский дискурс оказывается важным механизмом противопоставления идеального правителя тирану. Идея дружбы могла быть соотнесена лишь с тем правителем, *vir virtutis*, который с должным уважением относится к своим подданным. Внимание монарха к ценностям дружбы было знаком того, что он не является тираном. С другой стороны, на основании соответствия идеалам дружбы можно было провести и различие между истинным советником государя и льстецом.

Как убедительно показывает исследование Лори Шеннон, таковой дружеский дискурс был очень влиятелен в Британии конца XVI века, то есть в эпоху «после Генриха VIII». По мнению иссле-

довательницы, «применявшаяся скорее в межличностных отношениях воплощенной в одном лице власти, нежели в политических дискурсах власти парламента, дружба предлагает форму коммуникации или совета, адресуемую потенциально тиранической власти, стратегию, приводимую в действие через ассоциацию с дружеским моральным дискурсом искренности»¹¹.

Другой стороной в этих властных дружеских отношениях выступает мудрый и преданный советник, который, в отличие от льстеца, не преследует собственных интересов, не стремится извлечь частную выгоду из отношений с государем, но радеет об общем благе, каковое и должно снискать государю подлинную славу. Л. Шеннон подчеркивает значимость для ренессансного видения дружбы концепта подобия, сходства, которое сильно трансформировало представления о дружеских отношениях между субъектами разного статуса, прежде всего в отношениях монарха и его «друзей». Отчасти полемизируя с Ж. Деррида, исследовательница утверждает, что этот дружеский дискурс не дает никаких механизмов к обобщению опыта отношений пары друзей на общество, на отношение друг к другу коллективных политических субъектов. Однако, отмечает она, «не предлагая – сама по себе – никакой картины более широкой политики равенства, дружба вместо этого работает как различительный интерпеллятивный дискурс, тот, который поддерживает различающиеся роли суверена и субъекта, но начинает тонко переоценивать их власть»¹².

Французский историк Морис Дома подчеркивает значимость для раннего Нового времени другого тезиса – что «игры включения-исключения, при помощи которых она [дружба. – А. С.] формируется, являются образующим принципом власти»¹³. Эта функция дружеского дискурса оказывается не менее значимой во взаимоотношениях монарха и его приближенных. В то же время, исследователь отмечает, что во Франции рубежа XVI–XVII столетий эта разновидность политического дружеского дискурса не получила большого развития¹⁴.

М. Дома отмечает еще один существенный пласт дружеского политического дискурса, обозначавшего «связи» при дворе и в системе управления государством. Он также связывает значимость этого дискурса с ренессансным видением политики: «Если политика рассматривается как переменчивый результат стратегий акторов, то дружба, которая является преобладающей силой в ткани социальных взаимодействий, играет важную роль в ее освоении»¹⁵. В этой связи «другом» мог быть именован тот, кто включен в систему взаимоотношений, образующих группу (клан, клиентелу

и т. п.), которая может представлять собой политическую силу, ассоциируемую с волей и позицией отдельного персонифицированного политического актора.

Существенная трансформация политических дискурсов обычно ассоциируется с так называемой гоббсовской революцией в формулировании сферы политического. В основе нового видения политики лежит не взаимодействие отдельных волей, а понятие суверенного государства, а также «общества», основанного на определенной модели взаимоотношений между людьми. Традиционно понятие «дружба» использовалось для описания мира и согласия членов общества. Томас Гоббс, а затем и Джон Локк ставят в центр своих концепций эгоизм, или себялюбие, как основную силу, побуждающую людей объединяться в общества. Однако при всем различии их подходов идея дружбы (существенно и по-разному переосмысленная) продолжает занимать важное место в видении социального устройства, где субъектами дружбы оказываются члены общества.

Как известно, Гоббс отвергает тезис Аристотеля о природной дружественности людей. Человек в его представлении стремится приобретать себе друзей в силу того, что они приносят ему определенную пользу, и по той же причине признает за дружбой большую ценность. Как отмечает Джон Скотт, и дружба, и государство являются в интерпретации Гоббса союзами власти, заключаемыми ради взаимной выгоды, но их существенное отличие заключается в том, что государство основано на общественном договоре, определяющим взаимные обязательства, тогда как дружба покоится на даре¹⁶. Таким образом, каждый дружеский поступок возможно описать как добровольный дар, который может быть отвергнут. И это существенно отличает дружбу от государства, в котором любой поступок регламентируется системой взаимных обязательств. В то же время Д. Скотт утверждает, что дружба представлена в политической концепции не как цель, а как средство достижения определенной цели – власти, которая также является средством, а не конечной целью¹⁷.

Более того, дружба непосредственным образом связана с тем, что люди именуют «добродетелями» – образцами поведения, основанными на законах природы и разума и способствующими поддержанию мира. Дружеское поведение, не обусловленное формальной системой обязательств, являет собой свободный и разумный выбор той модели поведения, которая способствует общему благу в ущерб сиюминутному собственному эгоистическому благу.

Основываясь на суждениях Гоббса и полемизируя с ними, Джон Локк высказывает тезис о том, что естественное эгоистиче-

ское стремление к благу склоняет людей не к войне, а к общению друг с другом. Однако это природное дружелюбие и чрезмерная социабельность становятся предметом его критики как опора тиранической власти. Локк противопоставляет этой нерефлексивной природной дружественности модель рациональной гражданской/благовоспитанной (*civil*) дружбы, в которой симпатии умеряются и направляются суждениями разума. Дружба и благовоспитанность в концепции Локка создают модель отношений в обществе, основанную на уважении к чужому мнению. Позднее ее назовут либеральной: «Мне кажется, – пишет Локк, – *при различии мнений* всем людям следовало бы соблюдать *мир* и выполнять общий долг человечности и *дружелюбия*»¹⁸. Кроме того, Нэнси Армстронг и Леонард Тенненхаус отмечают, что идея общественного договора у Локка с необходимостью предполагает осознание человеком всех положительных и отрицательных последствий подчинения общим законам¹⁹. Сама нравственность заключается в рассудочном подчинении человеком своих желаний и поведения естественным законам, установленным Богом. Соответственно индивид, действующий в согласии с природной дружественностью, но подчиняющий ее контролю разума, является основой гражданского общества и становится субъектом политики.

Задействованность, функции и эволюция этих разных дружеских дискурсов в политическом пространстве в значительной степени были обусловлены политическим конфликтом середины XVII столетия, послужившим толчком к конструированию нового понимания политического. И сама эта конфликтность, определявшая политический климат, заслуживает отдельного рассмотрения. Далее, учитывая все эти основные модели взаимоотношений в пространстве политики, репрезентировавшихся в XVII столетии через обращение к понятию «дружба», мы попытаемся проследить ситуацию конфликта, сохранявшуюся до конца столетия, по документам английского парламента как одной из его сторон.

Увеличение числа упоминаний о «дружбе» (*friendship, amity*) в значительной мере обусловлено употреблением этого понятия в дипломатических документах при описании взаимоотношений государств и монархов. Субъектами такого рода дружбы в парламентских документах выступают не только государи, но также «нации», «содружества» и «парламенты». Например: «столь желательный союз и дружба (*union and friendship*) между двумя содружествами не были достигнуты»²⁰; «забота и сохранение взаимной дружбы между нациями (*mutual Friendship betwixt the Nations*) обеих сторон»²¹; «до-

брососедство, дружба и общение (*good Neighborhood, Friendship and Correspondence*) с вышеуказанным парламентом»²².

Также возрастает и число упоминаний о дружбе между частными лицами в речах/показаниях или прилагаемых к рассмотрению документах. Последнее обстоятельство оказывается значимым и во много более впечатляющем росте числа употреблений слова *friend*. Упоминания о разного рода частных дружеских отношениях (в самых разных значениях) в рассматриваемых в парламенте документах («близкий друг», «друзья и родные», «заступник» (*next friend*), «любящий друг» (в подписях частных писем) и т. п.) составляют большую часть от общего числа употреблений слова *friend*, что свидетельствует о значимости этого понятия в культуре XVII века в целом. Но эти случаи в еще большей мере, нежели упоминания о «дружбе» в сфере дипломатии, можно считать заимствованием из иных дискурсивных практик, не имеющих прямого отношения к пространству внутренней политики.

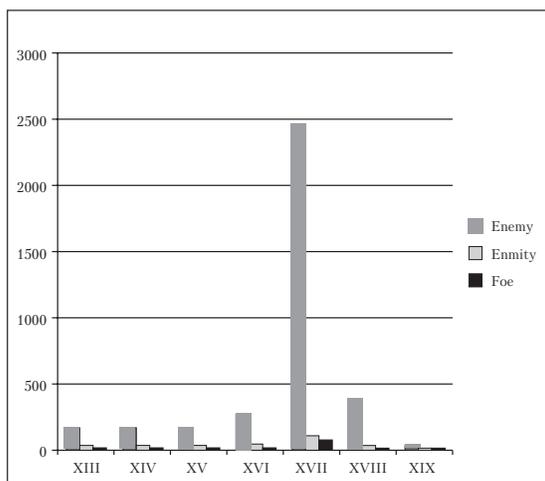
Помимо этого, слово *friend* начинает активно использоваться и в специфически политических дискурсах, присутствуя в составе не употреблявшихся ранее выражений или выражений, изменивших свое значение. Эти изменения напрямую связаны с трансформациями в собственно политической сфере, начало которым было положено в период политического раскола, связанного с Реформацией, но ставшего особенно значимым в контексте противостояния парламента и короны. Здесь мы тоже можем увидеть появление абстрактных, коллективных субъектов дружбы.

В связи с Реформацией и особенно начавшимися гонениями на католиков наличие этого идейного (религиозного, а потому политического) расхождения дополняет и проблематизирует традиционные «дружеские» связи клиентелы и родства, привнося в это определение новое понимание единства и связи, определяемой не по отношению к человеку или роду, а по отношению к идее: «Все его друзья и родные (*all his friends and kinsfolks*) либо паписты, либо рекузанты»²³. В политических дискурсах XVII столетия будет очень актуально обозначение сторонников иной (преимущественно) веры как друзей, в особенности «папистов» и прочих диссентеров: «Аткинс, хотя и не является папистом, может быть их другом (*friend of papists*)»²⁴.

В отличие от иных модификаций дружеского дискурса в сфере политического рассматриваемого периода, именование «другом» использовалось здесь не для маркирования включенности субъекта в ограниченный элитарный круг субъектов политики. Но речь идет о попытках разграничить это самое пространство на

новых основаниях, не связанных с персонифицированными политическими акторами.

Так же как в международных договорах раннего Нового времени намечается все более четкое противопоставление «друзей» и «врагов»²⁵, во внутреннем политическом пространстве нарастает необходимость маркировать принадлежность к различным противоборствующим политическим силам, которые выступают как коллективные субъекты политики. Наравне с увеличением числа использования терминов дружбы, в документах парламента заметно и столь же резкое возрастание частоты употребления понятий «враг» (*enemy, foe*) и «вражда» (*enmity*)²⁶.

Как и в случае с «дружбой», возрастает именно количество именованний коллективного или персонифицированного субъекта политики в качестве «врага»²⁷, и очевидно, что эти всплески взаимообусловлены. Однако выражения «враг» и «друг» папистов или иной политической оппозиционной силы имеют разные функции в политическом дискурсе. Слово «враг» (*enemy*) в период гражданской войны и революции отсылает прежде всего к военному противостоянию.

В большинстве случаев употребление термина *enemy* в парламентских документах XVII века относится к периоду открытого вооруженного противостояния Короны и Парламента. Его использование не только обозначает противную сторону в военных действиях, но одновременно придает действиям этой противной стороны и любого, кто к ней присоединится, нелегитимный характер.

«Каждый, кто станет злоумышлять или строить планы или затевать предательство, капитуляцию или выдачу врагу (*enemy*) или, против правил войны, сдаст, оставит или выдаст любой город, склад, форт, гарнизон или силы, которые ныне, или когда-либо в будущем будут находиться под властью Парламента, будет наказан смертью»²⁸.

Исходя из текстов парламента нельзя сказать, что «враг» это тот, кто напрямую противопоставляется «другу»²⁹. Хотя в принципе такая оппозиция в известном смысле необходима в состоянии конфликта, их прямое противопоставление в тексте встречается не часто. Маркирование кого-то как «друга» формирует общность, за границей которой находятся не только «враги», но все те, кто не может быть причислен ни к тем, ни к другим.

На волне обострявшегося конфликта в 40–50-е гг. – время гражданской войны, революции и Протектората – в парламентских документах начинает активно использоваться выражение «друг/друзья Парламента» (*friend/friends to the Parliament*). Таковыми могли быть названы иностранные корпорации, государства или их представители, поддерживавшие парламент как легитимного представителя власти. Это употребление также можно соотнести с дипломатическими дружескими дискурсами. Но равным образом как «друзья Парламента» могли быть охарактеризованы отдельные лица внутри страны, поддерживающие политику парламента: «олдермен Уиттл, истинный друг Парламента (*a very Friend to the Parliament*), ныне усопший»³⁰. «Друг Парламента» это не просто тот, кто не является политическим противником. Это понятие предполагает активные публичные действия в поддержку парламента и его армии – финансовую, материальную, административную, равно как шпионаж, участие в военных действиях, публичные выступления и т. п. Соответственно, им не мог считаться тот, кто «не проявил и не провозгласил себя другом Парламента»³¹. В политическом поле не «симпатии», а именно действия, поступки обретают значимость и могут быть репрезентированы как проявления «дружбы», и они же будут подвергаться критике или высмеиваться политическими противниками с целью дискредитации самого парламента через действия, порочащие его сторонников. Так в бумагах парламента в одном из писем, помеченных как «перехваченные», есть следующее суждение об одном из деятелей:

Сэр, мне сказали, что Бэмпфилд был хорошим другом парламента (*the Parliament's good friend*), подделывая подпись и печать короля и добывая секретные сведения о намерениях лордов в Хайленде, и он

разгласил больше, чем знал, и больше чем они имели смелость или порядочность совершить³².

Аналогичным образом статус «врага» обретается через прямое и активное действие, наносящее урон «друзьям»:

Если он (губернатор острова Джерси. – А. С.) приговорит к смерти любого из Друзей Парламента (*any of the Friends to the Parliament*), то за каждого из них трое заключенных парламента будут повешены³³.

Только в силу совершения таких активных действий, создающих оппозицию «друзей» и «врагов», и те и другие оказываются в пространстве «политического».

В этом контексте в парламентских документах появляется и выражение «друзья Короля» (*King's friends*). Если до сих пор так именовали ближайших советников монарха, оказывавших влияние на его решения (вполне в духе гуманистических непарламентских дискурсов), его «клиентов» или тех иностранных монархов, которые поддерживают «дружбу» с Англией, то теперь «друг Короля», так же как и «друг Парламента» обозначает любого активного политического сторонника («на острове Скай все еще остается несколько истинных друзей Короля, которые с остатками королевских друзей в Атоле, Аргайле и Сифорде будут командовать во всем остальном Хайленде»³⁴). Хотя по понятным причинам в документах парламента такое определение встречается гораздо реже, нежели «друг Парламента».

Интересно, что несмотря на старую форму обозначения, характеризующую «Парламент» и «Короля» не только как субъектов дружбы, но и как объектов политической поддержки и привязанности, в действительности речь идет не о приверженности «персоне» короля или парламента, а о поддержке той концепции власти, которую каждый из них репрезентирует. Если в ренессансных дискурсах «дружба с Королем» обозначала отношения между двумя индивидами, то теперь выражения «друг Парламента» или «друг Короля» обозначают отношения множества индивидов к определенной политической концепции, соотносящейся с образом парламента или короля соответственно.

Их противопоставление теряет былую актуальность с реставрацией монархии, и эти выражения (в таком значении) постепенно исчезают из парламентских документов. Однако почти пятнадцатилетняя традиция описания сторонников одной политической концепции в качестве «друзей» дала о себе знать. В период Рестав-

рации пространством полемики между сторонниками и противниками короля вновь становится парламент. Соответственно более важным становится определение тех или иных политиков внутри тела парламента и появляется выражение «друзья такого-то в парламенте» («сила друзей Денби в палате лордов»³⁵; «было очень много друзей в палате общин (*a great many Friends in the House of Commons*), которые выступили бы за него»³⁶), в котором соединяются традиционные представления о дружбе как «связях», основанных на родстве или клиентеле, и отношений, объединяющих сторонников одной политической идеи.

Ключевым событием, продемонстрировавшим наличие в парламенте двух противоборствующих политических сил, становится политический кризис 1679–1681 гг., разразившийся вокруг «Билля об исключении»³⁷. Именно к нему историческая традиция возводит формирование политических партий, получивших название «виги» и «тори» (активное использование этих терминов в документах парламента начинается со времени другого политического кризиса, вылившегося в Славную революцию). Тогда разделение на два противоборствующих лагеря внутри парламента было маркировано как «друг» или «враг» Билля («я был другом этому Биллю»³⁸), и постепенное оформление политических партий происходило через сплачивание «друзей» на основе единой позиции по каждому новому вопросу, которая становилась новым критерием для демаркации границ внутри политического пространства.

Вместе с тем необходимость предотвращения повторного острейшего политического кризиса и выработки новых норм политического взаимодействия делают актуальными такие категории, в рамках которых и виги, и тори могли репрезентировать себя в качестве «достойных политиков», заботящихся о процветании государства, но понимаемом не как прочность королевской власти, а скорее как прочность власти, отражающей интересы подданных. В этой связи в последние три десятилетия XVII века наряду с сохранившимся определением «друг Короля» начинают применяться такие эпитеты, как «друг Королевства», «друг Содружества», «друг Нации» и т. п. Эти определения появляются чаще всего в негативном контексте («не друг») по отношению ко всем тем, кто поддерживает решения, не отвечающие интересам общества. Причем, как правило, так характеризовали не конкретное лицо, а потенциального «идеального» оппонента – *Другого* – по отношению ко всему «легитимному» политическому сообществу:

Тот, кто станет подавлять движение «жалобщиков», не является другом короля или королевства (*He is no Friend to King nor Kingdom*)³⁹; тот, кто делает правление тяжким для народа, не является другом ни ему, ни королю⁴⁰.

В марте 1677 г. в палате общин даже возникла небольшая дискуссия относительно того, можно ли считать «друзьями нации» всех тех, кто участвует в дебатах, т. е. высказывает сомнения или несогласие с точкой зрения, поддерживаемой большинством. В итоге было решено, что из этого понятия следует исключить только тех, кто извне пытается навязать палате общин определенную позицию⁴¹. Однако эта конструкция, в отличие от той, что использовалась в годы гражданской войны, уже не предполагает существования за пределами множества «друзей нации» никакого нейтрального сообщества, которое не рассматривалось бы в качестве «врага». Неслучайно на период политического кризиса 1679–1681 гг. и последующие годы приходится второй всплеск употребления слов вражды. Все те, на кого можно было возложить ответственность за то, что Билль был отвергнут королем и палатой лордов (и прежде всего лорд Джордж Севиль, маркиз Галифакс, чьему красноречию и влиянию по большей части приписывали этот провал), были признаны «врагами Короля и Королевства» (*Enemy to the King and Kingdom*)⁴². Интересно, что в этой связи (и не только в случае с Галифаксом) «враг Короля и Королевства» становится антиподом того самого идеального друга-советчика короля, который был значимой фигурой позднеренессансного политического дискурса. В условиях нового кризиса баланса власти в разгар дискуссий о «Билле об исключении» ретанимируются старые представления о злонамеренных королевских приспешниках, которые советуют королю настаивать на том, чтобы отвергнуть Билль об исключении⁴³. Однако эта характеристика прилагается к новой системе взаимоотношений, в рамках которой легитимной является позиция большинства, а те, кто пытаются навязать иную позицию, «являются сторонниками папизма и врагами Короля и Королевства»⁴⁴.

Эта форма идентификации и самоидентификации появляется изначально в высказываниях парламентариев (преимущественно будущих вигов), именно они теперь превращаются в истинных «друзей Короля», но не короля самого по себе, а «Короля и Королевства», «Нации» и «Содружества» в отличие от представителей партии двора.

Однако и эти определения потеряют актуальность в парламентском дискурсе после 1681 г., когда станет очевидным пере-

оформление политической системы, и особенно после восшествия на престол Вильгельма III в 1689 г. и принятия «Билля о правах», ставшего своего рода конвенцией между парламентской и королевской властью, в рамках которой любая сторона могла претендовать на то, чтобы быть «другом нации». Остается только одно противопоставление – сторонников нового правления и его противников, продолжавших поддерживать Якова II. Так, в парламентских текстах в конце 80-х – начале 90-х появляются «друзья и враги правления» (*Friends and Enemies of the Rule*). Особенно интересной оказывается дискуссия относительно необходимости акта об отречении Якова II, принятие которого должно было подтвердить лояльность новому правлению в дополнение к уже принесенной клятве верности новому монарху. Противники акта отмечали, что он не поможет провести различие между «друзьями» и «врагами» нового правления, но создаст новых врагов из числа тех, кто до сих пор мог оставаться в статусе «друзей»⁴⁵. Действительно, после Славной революции необходимо было сохранить хрупкое единство «друзей правления», включавшее вигов, многих тори и «соглашателей». Все они в отличие от якобитов были и «друзьями короля», и все они, а равно и сам король могли претендовать на то, чтобы быть и «друзьями королевства», и «друзьями нации» прежде всего потому, что поддерживали созданный справедливый порядок и не стремились свергнуть страну в хаос и войну. Новая конвенция делала «друзьями правления» всех законопослушных граждан – по сути дела «благовоспитанных друзей» в локковском понимании, способных подчинять свои аффекты разуму и закону и совершать выбор в пользу общего блага вопреки частному.

История конструирования дружеских дискурсов на этом не заканчивается, однако установленное *status quo* в отношении легитимных и нелегитимных политических сил, постепенное оформление политических партий и формализация членства в них снижает потребность в дружеской риторике для описания взаимодействия в пространстве внутренней политики. Термины дружбы оказываются необходимыми в период формирования нового политического порядка и перестают использоваться, когда этот порядок устанавливается и формируются новые дискурсивные стратегии. Документы парламента XVIII–XIX веков фиксируют не только снижение частоты употребления терминов как дружбы, так и вражды, но и их расхождение в разные сферы. Если «враг» в документах XVIII–XIX веков – это преимущественно внешний политический враг государства, то «друг» в подавляющем большинстве случаев оказывается частным другом того или иного лица, упомянутого в документах.

- ¹ На русском языке см.: *Шмидт К.* Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 37–67; *Он же.* Политическая теология. М.: Канон-Пресс-Ц, 2000.
- ² *Derrida J.* Politiques de l’Amitié. P.: Galilée, 2004.
- ³ *Shannon L.* Sovereign Amity. Figures of Friendship in Shakespearean Context. Chicago: Chicago University Press, 2002. P. 17.
- ⁴ *Роуцин Е.* Понятие «дружба» в контексте международных отношений // Дружба: очерки по теории практик / Науч. ред. О.В. Хархордин. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2009. С. 342–343.
- ⁵ *Friend:* XIII–XV века – 95, XVI век – 215, XVII век – 1782, XVIII век – 427, XIX век – 177 (*Friend* // British History Online [Электронный ресурс]. URL: <http://www.british-history.ac.uk/search/subject/parliamentary?query=friend&title=> (дата обращения: 21.09.2015)). *Friendship:* XIII–XV века – 30, XVI век – 40, XVII век – 347, XVIII век – 103, XIX век – 7 (*Friendship* // Ibid [Электронный ресурс]. URL: <http://www.british-history.ac.uk/search/subject/parliamentary?query=friendship&title=> (дата обращения: 21.09.2015)). *Amity:* XIII–XV века – 8, XVI век – 32, XVII век – 433, XVIII век – 32, XIX век – 12 (*Amity* // Ibid [Электронный ресурс]. URL: <http://www.british-history.ac.uk/search/subject/parliamentary?query=amity&title=> (дата обращения: 21.09.2015)). В таблице обозначено количество документов, в которых употреблялись данные слова. Ситуация оказывается иной, если рассматривать все документы, выложенные на портале. Тогда можно заметить, что активизация дружеских дискурсов приходится на XVI–XVII век, расхождения между которыми минимальны (XVI – 7090; XVII – 7403), и снижается начиная с XVIII столетия (*Friend* // Ibid [Электронный ресурс]. URL: <http://www.british-history.ac.uk/search?query=friend&title=> (дата обращения: 21.09.2015)).
- ⁶ *Lesaffer R.* Amicitia in Renaissance Peace and Alliance Treatises // Journal of the History of International Law. 2002. Vol. 4. № 1. P. 77–99.
- ⁷ *Роуцин Е.* Указ. соч. С. 290–423.
- ⁸ Там же. С. 326.
- ⁹ Там же. С. 362–363.
- ¹⁰ Квентин Скиннер в своем фундаментальном труде «Основания современной политической мысли» уделяет много внимания этой категории и ее переформулированию Макиавелли (*Skinner K.* The Foundations of Modern political Thought: In 2 vols. Vol. 1. The Renaissance. Cambridge: Cambridge university press, 2002. P. 88–93).
- ¹¹ *Shannon L.* Op. cit. P. 61.
- ¹² Ibid. P. 19.
- ¹³ *Daumas M.* Des Trésors d’Amitié de la Renaissance aux Lumières. P.: Armand Colin, 2011. P. 163–164.
- ¹⁴ По свидетельству М. Дома размышления французов о возможности дружбы с монархом развивались в совершенно ином направлении: «Государь мог иметь друзей

- и даже фаворитов только в приватной сфере, и он должен пресекать возможность того, чтобы они наносили ущерб делам публичным, умеряя свою благосклонность» (Ibid. P. 176). Надо отметить, что с усилением власти Людовика XIV, которого уже никак нельзя было рассматривать в качестве «друга», во Франции появляется большое количество рассуждений о том, доступно ли в принципе правителю счастье дружбы при его исключительном положении в системе власти.
- 15 Ibid. P. 168.
- 16 *Scott J.T.* Godolphin and the Whale Friendship // *Love and Friendship: Rethinking Politics and Affection in Early Modern Times* / Ed. by E.A. Velásquez. Lanham: Lexington books, 2003. P. 131.
- 17 Ibid. P. 136.
- 18 *Локк Дж.* Опыт о человеческом разумении // Локк Дж. Соч.: В 3 т. Т. 2. М.: Наука, 1985. С. 198 (4.16.4).
- 19 *Armstrong N., Tenenhouse L.* A Mind for Passion. Locke and Hutcheson on Desire // *Politics and the Passions, 1500–1800* / Ed. by V. Kahn, N. Saccamano, D. Coli. Princeton: Princeton University Press, 2006. P. 140.
- 20 Answer of the Parliament to the Commissioner from Holland and West-Friesland // *A Collection of the State Papers of John Thurloe: In 7 vols* / Ed. by Th. Birch. Vol. 1. L., 1742. P. 134.
- 21 *Journals of the House of Lords. Beginning Anno Vicesimo Caroli Regis* (далее – JHL). L., 1771. Vol. 7: 14.11.1645. P. 704 (Instructions for the Agent going to Denmark).
- 22 *Journal of the House of Commons* (далее – JHC). L., 1803. Vol. 6. 1648–1651: 31.10.1649. P. 316 (Transactions with Holland).
- 23 *Calendar of State Papers, Domestic Series. Elizabeth and James I. Addenda 1580–1625* / Ed. by M.A. Everett Green. L.: Longman and Co., 1872. Vol. 33. 1594.19. (27.05.1594). P. 365.
- 24 *Debates of the House of Commons from the Year 1667 to the Year 1694: In 10 vols* / Ed. by A. Grey (далее – DHC). Vol. 3: 25.10.1675. L.: for D. Henry and R. Cave, 1763. P. 338.
- 25 *Рошши Е.* Указ. соч. С. 324.
- 26 *Enemy*: XIII–XV – 161, XVI – 257, XVII – 2467, XVIII – 379, XIX – 23 (Enemy // *British History Online* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.british-history.ac.uk/search/subject/parliamentary?query=enemy&title=> (дата обращения: 21.09.2015)). *Enmity*: XIII–XV – 25, XVI – 31, XVII – 101, XVIII – 22, XIX – 3 (Enmity // Ibid [Электронный ресурс]. URL: <http://www.british-history.ac.uk/search/subject/parliamentary?query=enmity&title=> (дата обращения: 21.09.2015)). *Foe*: XIII–XV – 3, XVI – 6, XVII – 63, XVIII – 7, XIX – 1 (Foe // Ibid [Электронный ресурс]. URL: <http://www.british-history.ac.uk/search/subject/parliamentary?query=foe&title=> (дата обращения: 21.09.2015)).
- 27 При этом во много раз чаще употребляется слово *enemy*, а не *foe*, которое, по мнению Шмитта, более близко по значению к понятию «экзистенциального», или «природного», врага.

- 28 JHL. Vol. 8: 03.04.1646. P. 252 (Ordinance for Martial Law in London & c. and within the Lines).
- 29 Хотя термин «враг» в концепции Шмитта не имел отношения к противоборствующим силам во внутренней политике, представляется важным отметить, что Жак Деррида, занимаясь деконструкцией концепции Шмитта, демонстрирует несимметричность понятий «друг» и «враг». Гайятри Спивак, анализируя уже работу самого Деррида, подытожила его рассуждения, сформулировав тезис о том, что «понятие “друг” не является противоположностью понятия “враг”» (*Spivak G.Ch. Schmitt and Poststructuralism: a Response // Cardozo Law Review. 2000. Vol. 21. № 5–6. P. 1725*).
- 30 JHC. Vol. 6. 1648–1651: 12.08.1651. P. 619.
- 31 JHL. Vol. 7: 06.06.1645. P. 414 (Reasons of the Committee of Shropshire, for the Commitment of Edwards).
- 32 An Intercepted Letter from London. 11.12.1653 // A Collection of the State Papers of John Thurloe. Vol. 1. P. 630.
- 33 JHC. Vol. 4. 1644–1646: 11.09.1645. P. 271.
- 34 The copy of the Return of the Diligence of those Employed by Charles Stuart to Negotiate, here in Scotland and Places elsewhere [17.10.1656] // A Collection of the State Papers of John Thurloe. Vol. 5. P. 603.
- 35 DHC. Vol. 7: 17.05.1679. P. 293.
- 36 JHC. Vol. 11. 1693–1697: 30.11.1696. P. 602.
- 37 Билль об исключении герцога Йоркского из права престолонаследия. Полемика вокруг билля, запрещавшего католику Якову Стюарту, герцогу Йоркскому наследовать престол, продолжалась с 1679 по 1681 г. Билль был принят палатой общин, но отвергнут палатой лордов из-за активного противодействия короля Карла II и во многом благодаря красноречию Джорджа Севиля, маркиза Галифакса, победившего в дебатах своего оппонента лорда Шефтсбери (при этом Шефтсбери приходился Галифаксу дядей).
- 38 The Oxford Parliament // The History and Proceedings of the House of Commons from the Restoration to the Present Times: In 14 vols. Vol. 2. L.: for R. Chandler, 1742. P. 110 (Debate on the loss of the Bill renewed (1681)).
- 39 DHC. Vol. 4: 20.02.1676. P. 112.
- 40 Ibid. Vol. 2: 20.01.1673. P. 326.
- 41 Ibid. Vol. 4: 02.03.1677. P. 170.
- 42 Ibid. Vol. 8: 17.11.1680. P. 21.
- 43 Галифакса обвинили в том, что он был дурным советчиком королю в отличие от самого парламента: «Это не суд над ним. Он дал дурной совет королю, мы собираемся дать ему хороший [т. е. удалить самого Галифакса – А. С.]» (Ibid. Vol. 8: 22.11.1680. P. 45).
- 44 Ibid. Vol. 8: 07.01.1681. P. 285.
- 45 Ibid. Vol. 10: 26.04.1690. P. 76–78.